

**ОБЗОР ЖУРНАЛА «PARTY POLITICS». –
Thousand Oaks, CA, 2011. – Vol. 17.**

«Party Politics» входит в число изданий, рецензируемых Американской ассоциацией политической науки, и имеет статус официального издания этой организации (секция политических организаций и политических партий). Он издается шесть раз в год. Как следует из названия журнала, его авторы фокусируют свои научные интересы на политических партиях и политических организациях как активных участниках современного политического процесса. Редакционную коллегию журнала в настоящее время возглавляют: профессор Школы политических и международных отношений университета Дублина Дэвид Фарелл, профессор Школы социальных наук и культурных исследований университета Суссекса Пол Уэбб и профессор факультета политических наук университета Норвестерна Кеннет Джанда.

Первый (январский) выпуск журнала открывает статья «*Why new parties?*» Игнасио Лаго и Феррана Мартинеса (*Ignacio Lago, Ferran Martinez*). Авторы ищут ответ на вопрос, почему в стабильной политической системе существует возможность для возникновения новой жизнеспособной политической партии. Согласно теории стратегического проникновения, разработанной Коксом, новая политическая сила включается в борьбу только в том случае, если имеется вероятность победы. С учетом того, что вхождение в избирательную гонку является весьма дорогостоящим, а политические деятели имеют детальную информацию о возможностях своих конкурентов, сегментация партийного спектра обычно имеет тенденцию к снижению. Тем не менее в ряде случаев мы видим появление новых партий, которые раскалывают политическую систему и нарушают сложившийся баланс сил. Возникает

ключевой вопрос: как в условиях стабильности избирательной системы и устойчивого характера социальных расколов (cleavages) формируются новые политические силы? Ответ на этот вопрос демонстрируют два подхода. Первый – интервариативный (Хармел, Болин, Робертсон и др.) – сфокусирован на том, чтобы объяснить, как новые жизнеспособные политические силы интегрируются в существующие институты. Второй подход – интравариативный (Чиббер и Колман) – исследует децентрализацию власти на местах и позволяет говорить о том, что степень экономической и политической свободы территориальных единиц становится решающим фактором формирования новых политических сил.

Статья Пола Уайтли (*Paul F. Whiteley, «Is the party over? The decline of party activism and membership across the democratic world»*) затрагивает обратную сторону политической активности в современных демократиях – снижение партийной сплоченности и дисциплины и падение численности членов политических организаций. Автор отмечает, что падение численности партий в Европе четко зафиксировано в документах, но не осмыслено с научной точки зрения. Беспокойство вызывает тот факт, что поскольку политические партии до сих пор играют значительную роль в политической жизни Европы, обеспечивая демократический характер процедуры смены власти, снижение численности партий и падение их роли в жизни общества опасно, так как может ослабить гражданское общество и подорвать отношения между гражданами и государством, в качестве гаранта которых и выступают политические партии. Анализ ситуации позволяет автору прийти к двум принципиальным выводам. Во-первых, партийные боссы имеют все меньше стимулов для того, чтобы привлекать в партии новых членов. Второй вывод заключается в осознании того факта, что государство само может выступать в роли «могильщика» политических партий, влияя на общество напрямую.

Питер Лоэвен и Дэниэл Рубенсон сфокусировали свое внимание на феномене партийного лидерства, в частности – на взаимоотношениях партийных верхов и электората (*Peter John Loewen, Daniel Rubenson, «For want of a nail: Negative persuasion in a party leadership race»*). Авторы статьи занимают вопрос о том, стоит ли партийным лидерам транслировать собственное мнение в электоральные массы, тем более если это мнение отличается от «гене-

ральной линии» партии. В качестве кейса Лозвен и Рубенсон рассмотрели ситуацию рассылки обращений лидера партии по почте и пришли к выводу о том, что в конечном итоге такая стратегия лидера оказывает пагубное влияние на поведение избирателей, для которых важны как прямые, так и опосредованные каналы коммуникации с партийными лидерами. Однако, проанализировав возможности почтовой рассылки как вспомогательного элемента ведения избирательной кампании, авторы пришли к выводу об ее стратегических преимуществах перед, например, телефонными обзвонами. В частности, она позволяет исключить из цепочки «кандидат – избиратель» посредников в лице агитаторов, которые могут быть «куплены» конкурентами.

Мики Киттилсон анализирует роль «женского фактора» в политических отношениях (*Miki Caul Kittilson, «Women, parties and platforms in post-industrial democracies»*). Может ли женское участие стать залогом трансформации партийной системы страны? Автор утверждает, что за последние десятилетия женщинам удалось изменить характер внутрипартийных отношений, перейдя от простого членства в политических партиях к борьбе за лидерство и к участию в формировании политической повестки дня. Кроме того, гендерный баланс в партиях, по мысли Киттилсон, позволит более тщательно прорабатывать ряд аспектов партийной политики (медицина и здравоохранение, политика в отношении семьи и т.п.). Вместе с тем Киттилсон отмечает, что «механическое» включение женщин в партийные отношения не способствует выработке эффективных решений, участие женщин должно быть осознанным, а их присутствие требуется не только среди членов партии, но и в аппарате и руководящих органах.

Бернард Гроффман и Питер Шелб анализируют иное измерение партийной деятельности – взаимосвязь избирательных и партийных систем с явкой на выборах национального и муниципального уровня (*Bernard Grofman, Peter Selb, «Turnout and the (effective) number of parties at the national and district levels: A puzzle-solving approach»*). Авторы утверждают, что по результатам анализа эмпирических данных можно с уверенностью говорить, что при пропорциональной избирательной системе явка на выборах национального уровня выше, чем при мажоритарной системе. Эта тенденция сохраняется даже при учете ряда контрольных

параметров избирательной системы (процедура регистрации, обязательный характер голосования, голосование в выходные и праздничные дни и т.п.). В то же время на основании данных о результатах выборов на муниципальном уровне в Испании и Швейцарии Гроффман и Шелб приходят к выводу о том, что высокие показатели эффективного числа партий не гарантируют высоких показателей явки избирателей. Таким образом, устойчивая связь между значениями ЭЧП и избирательной активности, которая, на первый взгляд, должна существовать, исходя из базовых показателей ЭЧП, не подтверждается.

Последняя статья в январском выпуске «Party Politics» является результатом совместной работы трех авторов – Метта Антонсена, Йохана Линвалла и Ульриха Шмидт-Хансена (*Mette Anthonsen, Johannes Lindvall, Ulrich Schmidt-Hansen, «Social democrats, unions and corporatism: Denmark and Sweden compared»*). Они констатируют, что в начале XXI в. наметилась очевидная для Европы тенденция – разрыв между социал-демократическими партиями и их традиционной опорой в лице профсоюзов. В классических исследованиях корпоративизма утверждается, что зафиксированное на институциональном уровне участие крупных организаций в процессе производства политики является результатом взаимодействия социал-демократов и профсоюзов. Вместе с тем Шмидт-Хансен и его коллеги утверждают, что сильная политическая партия может стать препятствием для формирования подобного союза. Этот риск объясняется тем, что, получив доступ к власти, профсоюзы могут изменить свою тактику отношений с работодателем, перейдя от переговоров к политическим директивам, что ставит под угрозу дальнейшее сотрудничество с социал-демократами. Линвалл, Антонсен и Шмидт-Хансен приходят к выводу о том, что профсоюзы постепенно замещаются другими силами, а социал-демократы остаются «трамплином» для включения в политическую систему иных, не представленных в ней сил. В качестве возможного примера рассматриваются женские организации, обладающие сплоченностью и высоким уровнем внутренней дисциплины.

Второй (мартовский) выпуск «Party Politics» был тематическим и включал семь статей по проблематике этнических партий. Статья Джона Ишиямы (*John Ishiyama, «Ethnic parties: Their*

emergence and political impact») вводит читателей в проблематику этого выпуска. Ишияма пишет о том, что этнические партии необходимо рассматривать как серьезную силу, особенно в условиях новых демократий, так как этнические движения могут стать как фактором стабилизации, так и фактором разрушения формирующейся системы. Он подробно анализирует отличия этнических политических партий от традиционных и выделяет два принципиальных момента. Во-первых, этнические партии не стремятся к интеграции в более широкие «национальные политические силы» и являются в большей степени инструментом мобилизации этнических групп, нежели всего электората на какой-либо территории. Кроме того, для этнических партий характерно наличие простого критерия «свой – чужой», когда «своими» автоматически становятся все представители одной этнической группы, а чужими – остальные этнические общности.

В статье Кахана Чандры представлена разработка теоретического концепта «этнической партии» (*Kanchan Chandra, «What is an ethnic party?»*). В общем виде этническую партию можно назвать группой, которая ставит своей целью политическую защиту этнической общности. Сложности возникают при попытке классификации существующих политических партий на основании их этнической принадлежности, поскольку не всегда понятно, интересы какой этнической группы представляет партия, и представляет ли вообще. С учетом этого фактора Чандра предпринимает попытку избавить определение этнических партий от мобилизационного наполнения, и сфокусироваться на сущностных чертах этнической партийной структуры.

Роберта Райс в качестве предмета своей статьи избрала опыт функционирования этнических партий в Латинской Америке (*Roberta Rice, «From the ground up: The challenge of indigenous party consolidation in Latin America»*). Эво Моралес, ставший в 2006 г. президентом Боливии, был первым за 400 лет представителем коренного населения Америки, избранным на высший пост в стране. Во многом это произошло благодаря поддержке Моралеса «Движением за социализм», которое показало уверенные результаты на муниципальных выборах годом ранее. Райс утверждает, что ДЗС можно считать этнической партией нового типа, который оформился в Латинской Америке за последнее десятилетие. Анализ

случаев в Латинской Америке, по мнению Райс, позволит понять, насколько устойчива консолидация политических сил, объединенных по этническому признаку, и каковы перспективы изменения политических систем после включения в них этнических партий.

Шерилл Стросчейн предприняла попытку исследовать на примере Румынии политические установки венгров – этнического меньшинства, проживающего на территории другой страны (*Sherrill Stroschein, «Demography in ethnic party fragmentation: Hungarian local voting in Romania»*). Она отметила, что этнические партии в качестве своей целевой аудитории рассматривают компактно проживающее меньшинство, в то время как традиционные политические партии сфокусированы на работе с массами, которые являются потенциальным электоратом. Указанная особенность этнических партий, по мысли Стросчейн, приводит к тому, что этнические партии и движения часто характеризуют как террористические, что не всегда верно. Демографическое измерение этнических процессов, как установила автор статьи, оказывает непосредственное влияние на формирование этнических политических партий, которые в определенной степени являются ответом на политические установки большинства. В условиях высокой этнической фрагментации наиболее вероятным сценарием развития событий автор видит обострение этнической поляризации общества, а не создание межнациональной коалиции.

Маттиас Баседау и Аника Морофф попытались систематизировать данные о национальных и этнических движениях в Африке, раздираемой конфликтами на этнической почве (*Matthias Basedau, Anika Moroff, «Parties in chains: Do ethnic party bans in Africa promote peace?»*). Основной вопрос, стоящий перед авторами в рамках данной статьи, – может ли запрет этнических партий обеспечить мирное сосуществование этнических групп в Африке? Ведь именно это стало мотивом для запрета этнических партий в большинстве стран к югу от Сахары в прошлом десятилетии. Сравнение стран с запрещенными этническими партиями и стран без ограничений в основании этнических движений привело авторов к выводу о том, что прямой зависимости между запретом и снижением этнической напряженности не наблюдается. Случай Кении, например, демонстрирует рост этнической напряженности и количества вооруженных конфликтов, несмотря на попытку запретить

этнические партии. Соответственно, попытка нормализации межнациональных отношений путем запрета их политизации не может рассматриваться как эффективное антикризисное средство.

Следующая статья номера написана Джоном Ишиямой в соавторстве с Марийке Брейнинг и посвящена анализу этнического фактора в развитии демократических институтов и процедур (*John Ishiyama, Marijke Breuning, «What's in a name? Ethnic party identity and democratic development in post-communist politics»*). Ишияма не соглашается с утверждением ряда ученых о том, что появление этнических партий приводит к «этнизации» политической системы и грозит крахом формирующихся демократических институтов. Авторы статьи утверждают, что этнические партии, напротив, могут выступать как средство снижения напряженности в обществе, если рассматривать их деятельность как трансляцию требований этнического меньшинства, вместо насильственного решения острых политических вопросов.

Джоанна Бимир и Дэвид Вэгьюспэк в последней статье второго номера рассуждают о взаимозависимости этнического разнообразия в обществе и его экономических показателей (*Johanna Kristin Birnir, David M. Waguespack, «Ethnic inclusion and economic growth»*). Они эмпирически демонстрируют негативные последствия при исключении этнических групп из политической жизни и их влияние на экономические показатели (прежде всего, ВВП на душу населения). Включение этнических политических сил в процесс выработки политики является, по мысли Бимир и Вэгьюспэка, взаимовыгодным шагом: власть получает возможность снижения межэтнической напряженности, а этнические группы получают канал для трансляции собственных потребностей и политических установок власти и широким массам.

Третий выпуск «Party Politics» вышел в свет в мае. Первая статья номера является результатом кооперации четырех авторов — Лоуренса Эзроу, Катерайн де Врис, Марко Стинбергена и Эрики Эдвардс (*Lawrence Ezrow, Catherine De Vries, Marco Steenbergen, Erica Edwards, «Mean voter representation and partisan constituency representation: Do parties respond to the mean voter position or to their supporters?»*). Они ставят своей целью раскрыть влияние позиции избирателей на партийные программы и стратегии. Иными словами, исследователи анализируют, для кого в конечном итоге

формируется партийная идеология – для «усредненного избирателя», для «сторонника партии» или «обывателя». Установки каждой из трех групп могут быть различны, в то же время каждая из них по-своему привлекательна для партий в ходе избирательной кампании. Соответственно, при отсутствии возможности прямой работы с каждой группой от политических партий требуется формирование таких программных установок, которые могли бы быть привлекательными для максимально широкого числа потенциальных избирателей. В итоге авторы приходят к выводу о том, что корреляция между контентом партийных программ и установками избирателей существует, однако дальнейшее объяснение этого процесса требует всестороннего анализа отдельных случаев (главным образом, на материале развитых демократических стран Запада).

Статья Шломиа Барнеа и Гидеона Рахата (*Shlomit Barnea, Gideon Rahat, «Out with the old, in with the “new”: What constitutes a new party?»*) посвящена анализу факторов становления и закрепления в политической системе новых партий. В частности, возникает вопрос о том, какая из стратегий – преемственность или пересмотр политического курса новыми партиями – наиболее вероятна и более выигрышна в современных условиях. Авторы предприняли попытку уточнить и пересмотреть некоторые положения институциональной теории, основываясь на которой, современные исследователи характеризуют политические изменения. Вопрос о характере политических изменений после эволюции политической системы, по мнению Барнеа и Рахата, не является семантическим, но становится определяющим при попытках прогнозирования развития политической ситуации.

Рейнс Влигентхарт и Стефаан Вальгрейв представили работу (*Rens Vliegenthart, Stefaan Walgrave, «When the media matter for politics: Partisan moderators of the mass media's agenda-setting influence on parliament in Belgium»*), в которой ставится задача установить взаимосвязь между позицией СМИ и содержанием политической повестки дня на примере Бельгии. Авторами были систематизированы ситуации, при которых роль СМИ в определении повестки дня возрастает и, наоборот, падает. Используя материалы бельгийских СМИ за восемь лет, Влигентхарт и Вальгрейв попытались установить, каковы основные каналы влияния СМИ на принятие политических решений в бельгийском парламенте. В результате

авторы статьи приходят к выводу о том, что формирование повестки дня во многом определяется позицией аффилированных политических партий СМИ, которые транслируют партийные позиции в массы, формируя соответствующее общественное мнение.

Статья Элоди Фабре посвящена сравнению организации общенациональных партий в Испании и Британии (*Elodie Fabre, «Measuring party organization: The vertical dimension of the multi-level organization of state-wide parties in Spain and the UK»*). Внимание автора сконцентрировано на выявлении различий в структурных компонентах испанских и британских партий на региональном уровне. Автор отмечает, что до сих пор не разработан механизм для оценки фрагментации партий на региональном уровне. Цель Фабре – разработать теоретическую модель для оценки автономности региональных отделений политических партий и влияния этой автономии на результаты политической партии в общенациональном масштабе. Сравнение испанского и британского случаев приводит автора к выводу о том, что некоторые аспекты деятельности региональных партийных структур скрыты от постороннего наблюдателя, что ограничивает возможности для анализа.

Джи-вен Лин в своей статье (*Jih-wen Lin. «The endogenous change in electoral systems: The case of SNTV»*) предпринял попытку расширить теоретические рамки применения законов Дюверже, осмыслив не только механические и психологические афффекты функционирования избирательных систем, но и роль государственных и партийных институтов в закреплении устойчивых практик голосования. В результате анализа фактического материала Лин приходит к выводу о том, что избирательные системы можно считать значимым фактором детерминации партийной системы страны, так как формирование «правил игры», по которым проходят выборы, чаще всего позволяет жертвовать мелкими политическими партиями в угоду стабильности политической системы в целом и партийной – в частности.

Катрин Мури в качестве предмета для анализа в своей статье избрала коалиционные соглашения и их последствия для партийной и политической системы (*Catherine Moury, «Coalition agreement and party mandate: How coalition agreements constrain the ministers»*). Мури предлагает рассматривать коалиционные прави-

тельства в двух измерениях – как делегированных министров от партий-победителей или как партийные коалиции с отдельными министрами в случае высокой фрагментации правительства после выборов. Автор утверждает, что коалиция является эффективным инструментом для снижения убытков от автономного существования, в том числе – после формирования правительства, поскольку ответственность за выработку политического курса несет не определенная партия-победитель, а все участники коалиции. Это позволяет партиям обезопасить себя от провала собственного политического курса.

Последняя статья выпуска написана Хитер Штолл, которая рассмотрела взаимосвязь между количеством партий, участвующих в выборах в законодательные органы, и уровнем политической конкуренции в стране (*Heather Stoll, «Dimensionality and the number of parties in legislative elections»*). Штолл пишет, что с традиционной точки зрения уровень политической конкуренции определяет конечное количество партий, участвующих в реальной политической жизни. Потенциал участия политических партий в партийной системе страны определяется несколькими ключевыми параметрами, одним из которых Штолл считает численность и внутреннюю структуру партии. В результате автор приходит к выводу о том, что помимо математических параметров, которые может учесть исследователь, существует и ряд других факторов, влияющих на уровень политической конкуренции: от внутрипартийных конфликтов до иерархии партийных должностей.

Четвертый выпуск «Party Politics» вышел в августе 2011 г., все четыре статьи посвящены анализу европейских популистских партий и партий-аутсайдеров (непарламентских партий). В работе Дункана МакДонелла и Джеймса Ньюэлла (*Duncan McDonnell, James L. Newell, «Outsider parties in government in Western Europe»*) анализируется опыт «изоляции» радикальных партий и недопущения их в парламент и правительство (в Италии, Австрии и других странах). В качестве аутсайдеров выступают радикальные партии, партии, «проповедующие» регионализм и экологизм. Авторы доказывают, что коалиции с партиями-аутсайдерами – рискованное мероприятие для участников политического процесса. После выборов, как правило, возникает дилемма – создание коалиции с аутсайдерами (с риском потерять часть собственного электората)

или автономное участие в политическом процессе без доступа к распределению правительственных портфелей. Партии-аутсайдеры в случае своей интеграции в правительство также имеют определенную вариантность действий: от жесткой оппозиции большинству до эффективного сотрудничества.

Статья Курта Лютера (*Kurt Richard Luther, «Of goals and own goals: A case study of right-wing populist party strategy for and during incumbency»*) посвящена анализу стратегий правых популистских партий. Подобным партиям, по мнению Лютера, следует пересмотреть свои стратегии в случае вхождения в состав парламента, если они намерены и дальше активно участвовать в выработке политического курса. Иными словами, позиция популистов, представляющих себя как «народ», который выступает против истеблишмента, не может быть конструктивной в рамках парламентских процедур. Первоначальное предположение автора о том, что популисты обречены на провал, не находит подтверждения после анализа эмпирических материалов. Лютер приходит к выводу о том, что все зависит от готовности партии к адаптации внутренних структур и лидеров к изменившимся условиям деятельности, а также от внешних условий, в том числе – готовности «старых» парламентских партий к сотрудничеству.

Даниэле Альбертацци, Дункан МакДонелл и Джеймс Ньюэлл посвятили свою работу (*Daniele Albertazzi, Duncan McDonnell, James L. Newell, «Di lotta e di governo: The Lega Nord and Rifondazione Comunista in office»*) анализу итальянских партий «Лига Севера» и «Новые (“восстановленные”) коммунисты». В рамках данной статьи анализируется состояние итальянской политической системы после 1994 г., когда с политической сцены сошли христианские демократы. Основное внимание уделяется появлению новых инсайдеров и аутсайдеров, так как именно в этот период наблюдается участие в парламенте и правительстве радикальных с идеологической точки зрения партий. По результатам анализа фактического материала авторы пришли к выводу о том, что «Лига Севера» смогла проявить большую жизнеспособность в условиях новой системы благодаря собственной тактической и идеологической гибкости, что, в частности, позволило ее представителям несколько раз входить в итальянское правительство.

Энвин Элиас и Филиппо Тронкони (*Anwen Elias, Filippo Tronconi, «From protest to power: Autonomist parties in government»*) отследили развитие автономистских партий и их путь от оппозиции до участников правящей коалиции. Именно в таком качестве в статье рассматривается деятельность «Лиги Севера» в Италии. Авторы отмечают, что в 1990–2000-х годах автономистские партии сумели закрепиться в парламентах Италии, Шотландии, Уэльса, Страны Басков и т.п. Отмечая положительные аспекты деятельности автономистских партий, авторы пишут о том, что их интеграция в парламент и правительство влияет на стратегии других партий, которые, фиксируя возрастающую популярность автономистских объединений, вынуждены проявлять идеологическую и тактическую гибкость.

Пятый выпуск «Party Politics» вышел в свет в сентябре 2011 г. и содержит пять текстов. В статье Григория Голосова (*Grigori V. Golosov, «Party system classification: A methodological inquiry»*) рассматривается классификация партийных систем. Как пишет автор, существует достаточно большое количество типологий с различными основаниями, но доминирующим остается количественный показатель, наиболее широкую известность получивший благодаря работам Сартори. Задача, которую ставит перед собой Голосов в рамках данной статьи, – не разработка нового основания для типологии партийных систем, а упорядочение критериев типологии партийных систем. Иными словами, автор стремится разработать схему, которая позволит осуществлять сравнительные исследования партийных систем.

Джошуа Дубров (*Joshua Kjerulf Dubrow, «The importance of party ideology: Explaining parliamentary support for political party gender quotas in Eastern Europe»*) анализирует попытки установления гендерных квот парламентскими политическими партиями Восточной Европы. При этом гендерные квоты рассматриваются Дубровым как добровольное самоограничение со стороны партий, которые стремятся достичь оптимального баланса между мужчинами и женщинами в своих рядах. Автор полагает, что наличие гендерных квот является адекватным механизмом для формирования партийных представительств в парламенте, однако в процессе квотирования необходимо учитывать самые разнообразные параметры вплоть до типа избирательной системы в стране. Причину

столь разительных перемен в партийных стратегиях Дубров видит в гибкости партийной идеологии, позволившей партиям подстроиться под потребности общества, которое сформировало запрос на появление большего числа женщин в представительных органах.

Статья Александра Перепечко, Крейга ЗюмБрюннена и Владимира Колосова (*Alexander S. Perepechko, Craig ZumBrunnen, Vladimir A. Kolosov, «Organization and institutionalization of Russia's political parties in 1905–1917 and 1993–2007: Similarities and differences from two occidentalist periods»*) посвящена ретроспективному сравнению партийного строительства в России в период между первой русской революцией и октябрьским переворотом и в 1990–2000-х годах. Рассуждения авторов статьи начинаются с констатации того факта, что ни в начале, ни в конце XX в. партийное строительство в России не опиралось на институты гражданского общества, а это, согласно классическим представлениям политической науки, является одним из необходимых условий для формирования устойчивой партийной системы. Результаты сравнения ситуаций начала и конца XX столетия привели авторов к выводу о том, что условия партийного строительства (политический и экономический кризис, деградация одной политической системы и становление другой) сходным образом повлияли на характер политических систем. Результатом развития партий в начале XX в. стало установление тоталитарного режима, поэтому аналогичная трансформация, по заключению авторов, возможна и в настоящее время.

Робин Бест и Стив Лем (*Robin E. Best, Steve B. Lem, «Electoral volatility, competition and third-party candidacies in US gubernatorial elections»*) рассуждают об электоральной изменчивости и соревновательности на губернаторских выборах в США на примере кандидатов от «третьих партий». Они отмечают, что участие малых партий и их представителей в выборах может иметь негативные последствия для избирателей, которые оказываются «сбитыми с толку» непривычным разнообразием кандидатов. Вместе с тем наличие сильных партий создает для кандидатов, обладающих какими-либо значимыми ресурсами, больше условий для победы, чем сильная партийная фрагментация на уровне штата. Свой шанс на успешное завершение избирательной кампании «маленькие» партии и кандидаты, по мнению авторов, получают в тех ситуациях, когда избирательные формулы и электоральная конкуренция скла-

дываются в их пользу. Таких примеров более чем достаточно в практике и США, и других стран.

Кристоф Чованитц (*Christophe Chowanietz, «Rallying around the flag or railing against the government? Political parties' reactions to terrorist acts," Party Politics»*) рассмотрел поведение политических партий в экстремальных ситуациях, а именно в условиях террористической угрозы. Автором проанализировано пять случаев террористических атак, которые имели место начиная с 1990 г., включая самую знаменитую 11 сентября 2001 г. Автор отмечает, что результатом атаки 11 сентября в США стали беспрецедентный рост рейтинга Джорджа Буша – с 51 до 86% и редкостное единение республиканцев и демократов. Анализ собранного автором материала позволил говорить о том, что в критические периоды резко меняются партийная риторика и стратегия партийной элиты. На ранних стадиях кризиса политические оппоненты, как правило, выказывают полную поддержку правящей партии и ее курсу. Именно этим, в том числе, Чованитц объясняет принятие антитеррористических актов в предельно сжатые сроки, пока политические оппоненты правящей партии готовы действовать заодно с ней.

Последний – шестой выпуск «Party Politics» (ноябрь) открывает статья Эндрю Драммонда (*Andrew J. Drummond, «Assimilation, contrast and voter projections of parties in left-right space: Does the electoral system matter?»*), где ставится вопрос, могут ли одни избирательные системы способствовать политической предвзятости больше, чем другие? Автор отмечает, что системы с одномандатными избирательными округами, вроде США или Великобритании, хорошо изучены вплоть до частных аспектов организации голосования на отдельных участках, а также благодаря предсказуемым механическим и психологическим эффектам этих избирательных систем. Однако в других странах даже при схожих избирательных системах возможны процедурные отличия формального и неформального характера. В частности, давление одного кандидата на другого для повышения собственной репутации в глазах избирателей.

Детлиф Джан (*Detlef Jahn, «Conceptualizing Left and Right in comparative politics: Towards a deductive approach»*) обратился к теоретическому измерению сравнительных исследований партийной политики. Автор пишет о том, что разделение политического

спектра на несколько составляющих (от правых к левым) стало традиционным и основным для объяснения политических процессов – от уровня конкуренции в политической системе до коалиционного потенциала входящих в нее политических партий. Кроме того, традиционная градация политических сил позволяет определить место той или иной политической силы в жизни конкретного общества.

Микеле Куэнце и Джина Лэмбрайт исследовали в своей статье данные по электоральной активности в Африке (*Michelle Kuenzi, Gina M.S. Lambright, «Who votes in Africa? An examination of electoral participation in 10 African countries»*). Они отмечают, что вопрос «Кто голосует в Африке?», в отличие от вопроса «Кто голосует в США?», не получил в политической науке достойного освещения. Результаты анализа оказались достаточно неожиданными для авторов: африканские избиратели голосуют по тем же принципам, что и избиратели в любом другом месте – исходя из собственных представлений о целесообразности и полезности предлагаемого различными политическими партиями курса. Особенность африканского избирательного процесса – корреляция между членством избирателей в каких-либо ассоциациях и активностью их участия в выборах. У членов институционализированных организаций избирательная активность традиционно выше.

В статье Хосе-Фернандоса Альбертеса и Виктора Лапуэнте (*José Fernández-Albertos, Víctor Lapuente, «Doomed to disagree? Party-voter discipline and policy gridlock under divided government»*) анализируется категория партийной дисциплины в разрезе голосований в представительных органах. Авторы полагают, что вето-игроки, как правило, предпочитают стратегию сохранения статус-кво, иногда даже вопреки логике и здравому смыслу. В качестве примера они приводят ситуацию, в которой оказался президент Мексики Висенте Фокс, не сумевший провести через парламент финансовую реформу, которая увеличила бы доходы государства, так как не имел в парламенте достаточного количества сторонников, голосующих дисциплинированно. Вместе с тем аналитическая работа, проделанная Альбертесом и Лапуэнте, позволила им заявить, что отказ от следования партийной дисциплине в ряде случаев может рассматриваться как положительный фактор развития политической системы, и поэтому не должен оцениваться с сугубо

механистической точки зрения (принятия или непринятия соответствующего решения).

Джанкум Сео (*Jungkun Seo*, «*Wedge-issue dynamics and party position shifts: Chinese exclusion debates in the post-Reconstruction US Congress, 1879–1882*») в своей работе анализирует опыт американского парламентаризма XIX в. Автор рассматривает процедуры голосования в конгрессе с точки зрения партийной дисциплины и сплоченности, а также влияние этих факторов на формирование имиджа партии в глазах избирателей. В качестве иллюстрации для анализа этих показателей он избрал дебаты по поводу принятия «Билля 15 пассажиров», который запрещал кораблям, прибывающим в американские порты, иметь более 15 китайских мигрантов на борту.

С.А. Оборин